

порівняння висловлюється важкість життєвого вибору для кожного, адже під час таких складних історичних подій складно орієнтуватися у бурхливому світі, так само як і знайти стежку під час хуртовини.

У романі порушується тема братовбивства або вбивства українців один одним. Розкривається це у молитві отця Олександра, який говорив: «Бо усі вони, молодняк, тепер – за вільну Україну, але *різними стежками* до неї ідуть. А коли перехрестяться стежки їхні, убивають одне одного хужей ворогів лютих» [2, 619]. Дорога у цьому випадку знову виступає вибором певної сторони конфлікту.

Також стежка стає місцем зустрічі героїв з власними спогадами та переживаннями. Наприклад, Кузьма Семирозум, повернувшись додому після довгої воєнної служби, згадує минуле: «Ступив Кузьма на стежку, що вела через леваду до криниці, батьком викопаної. Ступив він на *стежку, як на рану* болючу, бо в пам'яті його по цій стежці сестра Оксана з коромислом на плечах і повними відрами чистої як сльоза води ішла» [2, 327]. Дорога, яка часто пов'язувала його навколишнім світом, стає місцем скорботи. Для вивершення картини суму використовується метафоричне порівняння «ступити на стежку – ступити на болючу рану».

Отже, хронотоп дороги у романі В. Дрозда «Листя землі» має важливе смислоутворююче значення. Для творення простору дороги письменник послуговується поняттями *дорога, шлях, стежка*. Переважно хронотоп дороги постає місцем зустрічі головних героїв, місцем роздумів та спогадів персонажів, місцем прощання. У метафоричному переосмисленні шлях уособлює життя окремої людини на землі та вибір кожного у складних життєвих ситуаціях.

Список використаної літератури

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 502 с.
2. Дрозд В. Г. Листя землі : У двох кн. – К. : Вид. дім “Києво-Могилянська академія”, 2012. – Книга I. – 703 с.
3. Дрозд В. Г. Листя землі : У двох кн. – К. : Вид. дім “Києво-Могилянська академія”, 2012. – Книга II. – 703 с.
4. Світлична В. В. Історія України [Текст] : навч. посібник / В. В. Світлична. – 6-е вид., випр. і доп. – Київ: Каравела, 2012. – 384 с.

Чжо Тэн

О ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «ГОВОРА» В. И. ДАЛЯ

1840-1850-е годы в русской литературе – это время преимущественного интереса к общественным типам. При этом писателей интересовали не только сословные характеристики, но и профессиональные, этнографические особенности в поведении, образе жизни различных людей. Зарождение в русской литературе этнографического направления традиционно связывается с деятельностью В. И. Даля. Определяя суть этого направления, А. Л. Фокеев пишет, что она заключалась «не только в овладении писателем особой эстетической системой: художественными принципами, художественным методом, жанрами, сюжетосложением, стилем, разработкой тем и героев, но и в ее влиянии на последующую

демократическую литературу» [6, 13]. К наиболее существенным чертам поэтических произведений В. И. Даля и близких ему художников, принадлежащих к этнографическому направлению в русской литературе этот ученый отнес следующие: «погружение в стихию народной жизни как основной компонент произведений»; «национальная стихия речи, языковая и стилистическая интерпретация и использование народной, фольклорной фразеологии, элементов фольклора как стилеобразующего фактора»; «фактографический, документальный характер этнографизма, фактическая достоверность, фольклорно-этнографический колорит, использование подлинного фольклора, фольклорно-этнографического, бытового, социального материала, насыщенность этнографическими деталями»; «специфика структурного характера произведения, преобладание описания над сюжетом, вставные сцены, эпизоды» [16, 13]. В значительной степени эти особенности проявились в таком произведении В. И. Даля, как написанный им в 1848 году и опубликованный в «Отечественных записках» «Говор». Работ, непосредственно посвященных этому далековскому произведению, мы не встретили. Отдельные замечания содержатся в статье В. В. Иванова [4]. В ней идет речь как о «Голковом словаре», так и об использовании диалектизмов в художественных произведениях В. И. Даля. Среди этих произведений называется и «Говор». Наша задача – изучить жанровые особенности «Говора», поскольку это даст возможность не только полнее представить своеобразие В. И. Даля как писателя, но и дополнить картину истории очерковых жанров в русской литературе.

В. И. Даль начинает с того, что сообщает читателю, когда произошли события («лет тому с десяток») и где («в тверской деревне моей»). Вместе со своими «добрыми соседями» он пил чай «в саду под навесом» и «балагурил» [3, 332]. Беседа «подошла к народному говору». И автор вспоминает, какими своими мыслями о различии звучания одних и тех же слов в разных частях России он поделился со своими собеседниками. Он привел пример того, что москвичи склонны к редуцированию звуков («владеет», «балагурит»), а жители Владимирской губернии – к «оканью» («володает», «бологурит»), жители Курской губернии произносят мягко конечный согласный в словах («ходить», «видить») и так далее. Поэтому, заметил он, по тому, как человек произносит слова, можно судить о местности его проживания. Однако собеседники не согласились с ним. Они, вспоминает автор, «соглашались, что у нас есть различие в говоре по губерниям или, вернее, по полосам, что особенно реки обозначают пределы этих наречий, но утверждали притом, что по говору нельзя определить верно даже губернии, не только округа, что произношение в народе нашем какое-то общее, грубое, с небольшими оттенками, под Москвой на *a*, под Костромой на *o*, но вообще довольно неопредетельное, шаткое, произвольное, что к нему нельзя применить и нельзя сделать по нему никаких верных заключений» [3, 332-333]. И здесь предоставился случай, который помог автору доказать правильность своих утверждений. В его саду работал плотник, делавший беседку. Он поскользнулся. На вопрос, что случилось, он ответил, что ничего серьезного. По тому, как прозвучал его ответ (он сказал не «скользко», а «склѣзко») автор угадал, что плотник является выходцем из северной части Новгородской губернии. Гости «посмеялись этому случаю», однако все равно продолжали настаивать на своем. По их мнению, В. И. Даль знал, откуда пришел к нему плотник, нанимая его на работу, а теперь просто подшутил над гостями, объявив, что только по одному слову смог определить, где тот проживал до сих пор. Но вскоре ему предоставился еще один случай для того, чтобы убедить своих собеседников. К беседующим подошли два

старца, которые собирали подаяние. Оба были в монашеских одеждах. Один, вспоминает автор, «был старичок хворого вида и молчаливый, а другой молодец собой и красавец, ловкий, бойкий» [3, 334]. Когда «молодой» сказал, что он из Вологодской губернии («володжанин»), В. И. Даль удивился, когда же тот вместо «тамошний» произнес «тамодий», он окончательно убедился в том, что перед ним обитатель Ростовских земель. «Не успел, – сообщает В. И. Даль, – я произнести этих слов, как володжанин мне бух в ноги: “Не погуби!..”» [3, 334]. Оказалось, что это были не монахи, а «двое бродяг с фальшивыми видами и соборною памятью». Это происшествие окончательно убедило гостей автора в «основательности» его познаний «по части отечественного языковедения», в том, что он и в самом деле по нескольким произнесенным словам может определить местность, где проживает говорящий.

Мы считаем, что с точки зрения жанровой природы «Говор» – это очерк, то есть произведение, относящееся к художественно-документальной группе эпических жанров. Очерк отличается предельной объективностью. Его предметом является внешний мир. Это может быть достоверный факт (к примеру, очерк-путешествие, в нем описывается факт знакомства автора с новым для читателя миром) или же чья-то биография. С. П. Белокурова, автор «Словаря литературоведческих терминов», приводит такое определение очерка: «...прозаическое произведение, основанное на фактах, документах, личных впечатлениях автора, т. е., в отличие от рассказа, как правило, лишенное элементов вымысла. Очерк может включать в себя не только описание (интерьер), пейзаж, портрет, но и рассказ о событиях и персонажах. Для очерка характерны также свободное построение и открытость авторской позиции» [1, 110]. Е. Ю. Садовская определяет очерк следующим образом: «...эпический жанр, сочетающий искусство изображения (создания образа реальности) и выражения (акцентирование мысли автора)». Обосновывая тезис, заключающийся в том, что образно-аналитическое познание действительности в очерке это единый процесс, а тем самым грань между собственно художественными жанрами эпоса и документальными является очень тонкой, эта исследовательница пишет: «Очерк создает представление о реальности с помощью образного обобщения фактов и наблюдений, а этот прием свойственен художественной литературе. Оценочность как элемент публицистики проявляется в авторском комментарии, который дополняется собственно художественными средствами. Значит, факт является исходным материалом для дальнейшего исследования и обобщения» [5, 237]. В связи с этим многие ученые наряду с публицистико-документальными очерками выделяют также группу художественных очерков. Эти группы различаются степенью фактографичности. К примеру, исследователь В. А. Богданов в качестве главных признаков очерка назвал аналитическое начало, описательность и публицистичность. Он определил очерк как эпический жанр, в котором описательно-повествовательное изображение складывается в основном из наблюдений «рассказчика», составляющего композиционный центр произведения. Специфическими жанровыми признаками очерка, по его словам, являются установка на документальность, свободная композиция, единство частей которой создается аналитической мыслью автора-повествователя [2, 517]. Художественные очерки, по его мнению, близки той разновидности рассказа (произведения, относящегося к группе художественных жанров эпоса), «в которых интриги и коллизии лишены остроты, а развитие сюжета – внешней динамики». Предметами изображения в художественном очерке обычно становятся быт, уклад жизни, нравы той или иной среды или яркие, колоритные личности.

К художественным относят и «физиологический» очерк. Само по себе понятие «физиология» ввел в литературный обиход французский писатель Б. Саварен, написав книгу «Физиология вкуса». Затем в литературе стали создаваться физиология театра, физиология гуляки... Физиологический очерк, в котором общество предстало как единый организм, а каждый человек в соответствии со своим родом занятий выполнял определенную функцию, как его отдельный орган, стал одним из главных жанров «натуральной школы». Несмотря на то, что, как показала Н. Л. Юган, Далью был ближе круг славянофилов, «Москвитянина», эстетика и поэтика его художественного творчества в 1840-е годы оказываются очень близкими «натуральной школе» [7, 214]. «Говор» как раз особенно интересен тем, что Даль в нем выразил свой интерес и к «натурализму», к детальному постижению социальных типов, и к самобытности русского национального характера.

Как это и показательно для очерка, в «Говоре» центральную роль играет рассказчик. Он – главное лицо событий. Именно через призму его восприятия даны все события в очерке. Его меньше занимают социальные признаки людей, которых он описывает. В фокусе его внимания – их этнографические особенности – то, как они проносят слова. Жанровой природой произведения определены и нарративные стратегии автора. В «Говоре» преобладают описания и рассуждения. Все они принадлежат автору. Композиционным центром в этом очерке являются рассуждения. Они предваряют описание двух ситуаций, на основе которых автор доказал их объективность. Тем, что «Говор» является художественным очерком, обусловлено его свободное построение, совмещение в портретах персонажей образных обобщений. Этому очерку свойственна также дискуссионность. Автор не только излагает свои мысли и наблюдения, но и приводит контраргументы своих собеседников, которые, возможно, совпадают и с теми возражениями, которые возникают у читателя. Таким образом, В. И. Даль вступает в диалог и с имманентным читателем. Таким образом, ведущим в этом очерке является конфликт мыслей-тезисов.

Изучение очерка «Говор» дает основания судить о том, что В. И. Даль не только как языковед, но и как представитель литературы, уделял особенное внимание характерам и особенностям речи людей из народа. Изучение художественной стороны этого произведения дополняет наше представление о таком направлении в русской литературе, как натуральная школа, а также о специфике художественного очерка.

Список использованной литературы

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2006. – 320 с.
2. Богданов В. А. Очерк / В. А. Богданов // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – Т. 5. – С. 517-518.
3. Даль В. И. Избранные произведения / В. И. Даль; Сост. Н. Н. Акоповой; Предисл. Л. П. Козловой. – М.: Правда, 1983. – 448 с.
4. Иванов В. В. Территориальные диалекты / В. В. Иванов // Очерки русской культуры XIX века: В 6 т. / Ред.-кол. Л. В. Кошман и др. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2005. – Т. 5. – С. 535 – 580.
5. Садовская Е. Ю. Генезис художественного очерка XVIII-XIX веков (проблематика, поэтика, типология) / Е. Ю. Садовская // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – № 1. – С. 231 – 238.

6. Фокеев А. Л. Истоки этнографического направления в русском реализме 1840 – 1850-х годов (В. И. Даль) / А. Л. Фокеев // Далевское литературоведение: Сб. научн. тр. – Луганск: ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2010. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 6 – 15.
7. Юган Н. Л. В. И. Даль и русская литература 30–60-х гг. XIX в.: Монография / Н. Л. Юган. – Луганск: «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2011. – 400 с.

Андрій Чмир

«ШЕСТИДНЕВ, АБО КОРОНА ДОМУ ОСТРОЗЬКИХ» ПЕТРА КРАЛЮКА: СВОЄРІДНІСТЬ ОБРАЗУ ГОЛОВНОГО ГЕРОЯ

Художня творчість Петра Кралюка ще мало відома широкому загалу. Натомість у доробку письменника вже шість творів великої прози – «Фелісія» (2008), «Римейк» (2009), «Реліквія» (2010), «Шестиднев, або Корона дому Острозького» (2010), «Сильні та одинокі» (2011), «Данило Острозький» (2016). Особливу увагу привернув роман «Шестиднев», про який відгукнулися літературознавці (Петро Білоус, Галини Насмінчук, Ірина Приліпко, Роксана Харчук), доктор філософських наук Олександр Саган, письменник Сергій Синюк.

У романі «Шестиднев, або Корона дому Острозького» прозаїк пропонує заглибитись у внутрішній світ головного героя, відчутти його винятковість, неповторність; цей образ виринає крізь товщу віків і постає надзвичайно реалістично. Сьогодні, серед імен, якими гордиться наша нація є і ім'я Василя-Костянтина Острозького, який безперечно посідає важливе місце в історії України.

Мету розвідки вбачаємо у з'ясуванні особливостей художньої інтерпретації постаті українського князя Василя-Костянтина Острозького у романі Петра Кралюка «Шестиднев, або Корона дому Острозького», оскільки образ відомого історичного діяча постає і на сторінках творів Миколи Вінграновського («Северин Наливайко») та Тимура і Олени Литовченків («Шалені шахи»).

З-поміж художніх засобів змалювання князя у «Шестидневі» помітно вирізняється **портрет**. Власне зовнішня композиція роману – це шість розділів, що розкривають останні у житті героя дні, упродовж яких художник малює його портрет.

Насамперед привертає увагу *обличчя* Василя-Костянтина, яке, незважаючи на старий вік, залишалось одухотвореним, здатним виражати всі рухи емоцій. Дивлячись на нього, маляр зазначає: «Намалюю обличчя гладеньким, не буде на ньому зморщок. Та, власне, воно таким є. Аж дивно» [4, 129]. Вартим уваги є професійні спостереження Івана про те, як воно змінюється в окремих ситуаціях. Наприклад, після спогадів Острозького про родинні міжусобиці художник зазначає: «Здається, мій пан заснув. Але на лиці його похмурість» [4, 141]. Під час розповіді князя про дружину Софію «здається, промінь світла упав на лице князя. Засвітилось воно» [4, 217]. Коли ж головний герой згадує батька, то «спокійне воно. Хоча той спокій видається оманливим» [4, 131], а іноді взагалі здається, що «то ж маска» [4, 145]. Сам князь, радіючи дорогоцінним хвилинам, які в нього лишилися, просить маляра: « – Вихопи мій образ із темряви, <...> аби обличчя моє світилося. І щоб сонячний промінь був на чолі моєму» [4, 275].